

УДК 821.161.2-3 ББК 84(4УКР) М48

**Никольский Е. В.**

доктор филологических наук, магистр богословия, профессор  
Кафедра истории русской литературы  
Институт Русистики Варшавского Университета  
Варшава, Польша  
eugenius-08@yandex.ru

**ЖАНРОВОЕ И ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ  
РОМАНА ЯРОСЛАВА МЕЛЬНИКА «ДАЛЕКИЙ ПРОСТІР»**

*В статье с теоретико-литературных позиций рассмотрен роман современного украинского писателя Ярослава Мельника «Далекий простір». Раскрыто его жанровое своеобразие. Автор, опираясь на концепцию профессора В.М.Мирошникова об эстетической рефлексии, трактует данное произведение как проявление философской антиутопии. В статье подробно рассмотрен комплекс философско-религиозных проблем, представленных в произведении через призму оригинальных образов, раскрыта связь романа с украинским менталитетом, рассмотрены интертекстуальные связи, ставится вопрос о художественном методе, отмечается отход писателя от поэтики постмодернизма, вместе с тем отмечается, что автор романа умело сочетает стратегии элитарной и массовой литературы.*

**Ключевые слова:** антиутопия, постмодернизм, интертекстуальность, неоклассика, проблема человека, эстетическая рефлексия, философский жанр, гуманизм, тоталитаризм, протагонист, фантастика.

Современная украинская литература обретает свой стиль, проблематику, подходит к возобновлению национального своеобразия в целом. Национальное же своеобразие литературы, на наш взгляд, связано, прежде всего, с менталитетом, а не столько с языком. Для Украины эта проблема особенно актуальна: ведь существует же русскоязычная литература в Украине. И куда её отнести: к русской или все ж таки к украинской? Вопрос, конечно, риторический, и в определенной мере не политкорректный.

Но если уж говорить о менталитете как определяющем свойстве этнического своеобразия литературы, то надо выявить его фундаментальные черты. В отличие от соседей-кочевников, в том числе древних венгров и болгар, украинский этнос кристаллизовался и до сих пор существует в собственном этноареале и вокруг него. Такое постоянство географического окружения привело к почти идеальной адаптации украинца к ландшафту, что не могло не найти отражения в ментальных установках<sup>1</sup>. Днепр и Десна, Карпаты и Степь, Хортица и Великий Луг – для украинца это не просто топонимы, обозначающие природ-

ные объекты, но нечто большее: эстетически воспринимаемая среда проживания, их окружение, их мир, их Дом (с большой буквы), а часто – поэтические образы и элементы коллективного самосознания [3].

Восприятие статичных форм лесостепного украинского рельефа, далеких горизонтов, наполненных мягкими, плоскими волнами плодородных земель порождает мечтательность, чувственность, пассивность, беззаботность и одновременно – склонность к воле и анархии. Для украинцев типично превосходства "сердца над разумом". Специфической чертой украинской мировоззренческо-философской ментальности является направленность на внутренний эмоционально-чувственный мир человека, в котором господствует не холодный рациональный расчёт "головы", а жгучий призыв "сердца". Отношение к земле украинского крестьянина граничило с ее обожествлением. Земледельческий образ жизни в совокупности с близостью к природе вообще рождал не только лиричность или провинциальную сентиментальность, но и чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, в какой-то мере – индивидуализм. В чувстве собственного достоинства, значимости коренится острое, даже болезненное чувство справедливости, ненависти к ущемлению, толкающие украинца к перманентному поиску правды.

На формирование специфических черт украинского менталитета оказало влияние уже упомянутое выше длительное вхождение украинских земель в состав разного рода государственных образований (Великого Литовского княжества, Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Османской и Российской империй) и столь же длительная борьба за независимость, породившая такие ментальные качества, которые, казалось бы, противоречат друг другу. Так, с одной стороны, квинтэссенция украинского духа – казак – вольнолюбивый индивидуалист и в тоже время для нации в целом типично и лукавство, скрытность, гибкость, изворотливость, жадность, самостоятельность в суждениях, желание быть «себе на уме», толерантность к другим нациям и сообществам. В целом для украинца типично и тяготение к более демократической, республиканской форме управления, а вместе с тем и **социальный фатализм**.

<sup>1</sup> Подробнее см: Стражний Александр. Украинский менталитет. – Киев: Подолина, 2008. В книге анализируются различные аспекты жизни украинцев, а также, племён и народов, ранее населявших территорию Украины. Автор исходит из постулата, что историческая и, соответственно, генетическая связь между поколениями, из которых "сложилась" украинская нация, не прерывалась, и современные украинцы несут в себе черты, которые формировались в течение длительного времени. Также, в книге анализируется ментальность тех народов, которые в той или иной степени повлияли на предков украинцев и продолжают влиять на жителей Украины в настоящее время. Особо рассматривается влияние на украинцев россиян. Подводя черту, автор "вычленяет" пятьдесят наиболее характерных для украинского мировоззрения особенностей, сочетание которых, по его мнению, и составляет феномен украинской ментальности. Книга даёт возможность понять каким образом сформировалась та или иная черта украинского менталитета, сделать выводы о том, какие сходства и отличия украинской ментальности от российской и европейской. Автор постарался показать спектр "украинской души", её сильные и слабые стороны, непредвзято. Тем не менее раскрыл тему в оптимистическом ключе, направленном на утверждение у читателя чувства уважения к себе, к своему народу, к своим согражданам, к независимости от того, являются они этническими украинцами или нет.

Эти индивидуальные начала, их индивидуалистические представления имеют свои положительные и отрицательные стороны в характере народа... Не в обиду россиянам, но базовая черта менталитета украинского народа – **заостренное свободолюбие**, стремление к воле, порою и очень вопреки «разуму». После такого длинного отступления вернемся к основной теме нашей статьи. Роман «Далекий простір» (укр. перевести на русский язык можно и как «далекий простор» и как «дальнее пространство») мы считаем ярким явлением современной литературы в независимой Украине, отображением её вольнолюбивого духа, носителем и выразителем которого является его автор.

Ярослав Мельник родился в 1959 году в с. Смыга на Ровенщине. Его родители познакомились в Гулаге, он является «сыном сталинщины», в свое время окончил филологический факультет Львовского национального университета им. Ивана Франка. Пан Ярослав говорит с нежностью о своих философских книгах, в которых рассуждает, демонстрируя хорошую школу Достоевского, о соотношении категорий «грех» и «свобода». В 1980-е годы Ярослава Мельника знали как активного литературного критика, одного из самых перспективных в Украине, которая тогда называлась УССР. Мельник напечатал статью, с которой началась громкая литературная дискуссия тех лет – о молодой «исповедальной» и «метафорической» поэзии. Оппонировал Ярославу немного старше него Мыкола Рябчук, который защищал «метафористов». Мельник был на стороне «исповедников». В конце участники дискуссии согласились, что «исповедальная» поэзия редко обходится без метафоры, а сложная «метафорическая» поэзия может иметь исповедальное интонации.

После дискуссии о «исповедниках» и «метафористах» Я. Мельник поступил в аспирантуру Московского Литературного института им. Горького, познакомился там со своей будущей женой-литовкой. Окончив аспирантуру, переехал в Литву. Он в совершенстве выучил литовский язык, сосредоточился на прозе, которую писал на украинском и с помощью жены переводил на литовский. Таким был его путь в литовскую литературу. Как прозаик в украинском литературном контексте он появился только 2011 году, напечатав в ответ на предложение профессора Владимира Панченко в издательстве «Темпора» книгу «Телефонуй мені, говори зі мною» («Позвони мне, говори со мной») (Киев, 2011). Проза Ярослава Мельника оказалась довольно необычной, нетрадиционной, парадоксальной. В ней нет никаких узнаваемых географических реалий. Она не вписана ни в одну историческую конкретику. В ней важны отношения между людьми, которые часто – на грани и за гранью понимания. Критик, который в Украине отстаивал традиционную «исповедальную» поэзию, превратился в Литве в парадоксального метафорического прозаика и именно таким вернулся в украинский литературный процесс.

В 2011–13 годах появились его публикации в журналах «Кур'єр Кривбасу» и «Київська Русь». Его роман «Вигнанці Едему» (лит. «Išguitiejiiš Edeno», рус. «Изгнанные из рая») вышел на французском языке («Les Pariasd 'Eden») в од-

ном из крупнейших издательств Франции.

Книги этого писателя разнообразны. В его послужном списке – как философские эссе, так и сюрреалистические повести, а также метафорически насыщенные вещи. А «Книгу года Би-Би-Си» получил за роман «Далекий простір», которой вполне уместно назвать антиутопией. Возможно, что литературные амбиции Ярослава Мельника всегда были высокими. Он как прозаик – вне нынешних украинских школ и направлений. Его прозу трудно приспособить к чему-то уже известному. И что-то гоголевское (а также – кафкианское и борхесовское) в ней чувствуется. Это проза парадоксальных ситуаций, выписанных с обстоятельностью очевидца, которые меняют читательские представления о привычном, устоявшемся. Ключевое в них – неприятие любых вмешательств в жизнь человека, ограничение его права на суверенность мышления и жизни. Нарушение свободы индивидуальности писатель трактует как безусловное зло, а прикрывающую насилие над волей человека благополучную бытовую действительность – как иллюзию, смоделированную ради порабощения человека.

Итак, что же перед нами: антиутопия, отчасти напоминающая «1984» Оруэлла, «Страну слепых» Уэллса и «Слепоту» Сарамого? Какую же метафору, то есть образ грядущего, предлагает непереуведенный на русский язык «Далекий простір»? Здесь стоит сделать паузу для выяснения нескольких интересных обстоятельств. Впервые произведение было напечатано несколько лет назад на литовском языке в Вильнюсе, где пана Мельника знают как литовского писателя Ярославаса Мельникаса. Две из его прозаических книг в свое время были номинированы на «Книгу года» в Литве.

В анализируемом романе описывается мегаполис-страна, населенная слепцами, довольными своим механическим существованием, которое повторяется из дня в день и продолжается (несмотря на обозначения временных вех) почти вечно без изменений – это какой-то «небесный» анти-Иерусалим. Действие «Далекого простора» разворачивается в призрачном и диковатом будущем. Слепых не в метафорическом смысле, а в буквальном: люди не просто слепы, но вообще не имеют понятия о существовании зрения. Они живут в огромном мегаполисе, специально оборудованном для незрячей жизни. Здесь легко ориентироваться, передвигаться на работу, домой и, например, к любимому кафе, но только в заданных рамках.

Главный герой, юноша-правдоискатель Габр Силк, пытается найти смысл своего существования в далеком пространстве, обрести веру в забытого всеми Бога, любовь и надежду на будущее существование. В мире, где глаза («слезные железы») считаются атавизмом, а возможность видеть – безумием, появляется зрячий юноша. Габра пытаются вылечить, но ему суждено было узнать страшную тайну правителей этого грандиозного небоскреба-государства, где миллионы людей контролируются электронными устройствами и не догадываются, что живут под тотальной слежкой, удастся ли ему сбежать от Министер-

ства контролю? Три мира, три любви и вечная тоска по свободе и свету – это то, с чем сталкивается герой на пути к правде.

От этого механического монстра-государства можно только бежать, потому что, оказывается, на Земле еще остались кусочки девственной природы. Цивилизацией слепцов руководит немногочисленный клан зрячих, который пытается инкорпорировать в себя прозревшего Габра. И он не хочет жить ложью, ведь слепцы, к которым он некогда принадлежал, даже и не подозревают о том, что ими руководят зрячие.

Ближе к финалу проясняется, что некогда группа зрячих гуманистов-энтузиастов пыталась просветить слепцов, объяснить им, что такое зрение, научить их некоторым навыкам зрячих; в итоге все закончилось плачевно: слепцы либо сошли с ума, либо покончили с собой. Позже никаких попыток изменить положение не предпринималось. Сложившийся порядок остался таким, каким он и был. Таков социальный фатализм писателя. Правда для слепцов – опасна, а для зрячих – основание хранить тоталитарный общественный строй. Социум воспроизводится без волеизъявления людей и потому является тюрьмой как для слепых, так и для зрячих.

Мир, изображенный в мельниковской антиутопии, тосклив, лишен трансцендентности, ангелов и демонов. Из искусств остались лишь музыка и аудиотеатр, значимость которых, по сути, нивелирована. С другой стороны, писатель пытается смоделировать многомерную картину мегаполиса будущего. В романное повествование вмонтированы отрывки учебников, газетных сообщений трансляций, запрещенных книг, интервью, дневниковых записей, что создает впечатление общественного многоголосия. Сквозным композиционным приемом является включение стихов в прозу вымышленного литератора Чиза Дельца, изданных где-то в первой четверти 9-го счисления, тогда как действие происходит в 17 счислении. Следовательно, по крайней мере, такая поэзия писалась в мегаполисе за восемь счислений (неопределенно больших хронологических отрезков) до изображаемых событий. Единственный экземпляр уничтоженного тиража хранится в Центральном Архиве. Публикуя стихи Чиза Дельца, Ярослав Мельник между прочим напоминает, что и сам он писал когда-то лирику, которую кто-то из исследователей его творчества, возможно, найдет и сравнит с верлибрами Дельца (один из псевдонимов Мельника)

В основе сюжета лежат оппозиции «свет-тьма», «слепота-прозрение», «честь-предательство», а действие происходит в вымышленном мире, который возник в результате губительных глобализационных процессов. Главный конфликт идет между сообществом слепых, которые ориентируются только в «ближнем пространстве» и не могут выйти за пределы искусственно созданного мегаполиса, и сообществом зрячих, которые и держат в руках всю эту систему, наслаждаясь в собственном уютном уголке созерцанием солнца, неба, моря. Промежуточное положение занимает группа террористов – бывших зрячих, которые были ослеплены системой, а потому хотят отомстить, разрушив

основы существования мегаполиса. Орудием их мести становится Габр – слепец, который прозрел. Когда один из них неожиданно обретает способность видеть, это грозит серьезными последствиями не только для него самого, но и для всей цивилизации. Вскоре герой узнаёт, что мир устроен совсем не так, как принято считать в Мегалополисе. Общество мегаполиса тотально контролируется, оно не всегда даже осознает степень этого контроля, но это никого сильно и не напрягает. Любовь в нем механическая, ненависть присуща разве что террористам, которые готовы уничтожить мегаполис и себя вместе с ним.

Сверх того, жители будущего не верят в существование широкого мира, или «далекого пространства», таких вещей, как небо, море, солнце и тому подобное, зато убеждены в существовании только «близкого пространства» и даже имеют по этому поводу целые научные теории. Не верят они и в существование зрения как такового. Лишь отдельные чудачки рассказывают о загадочных книгах прошлого (в. т. ч. и Библии), в которых не было рельефных букв...

Проблемы Габра начинаются с тех пор, когда он прозрел. Оказывается, такое изредка происходит, но спецслужбы незрячего мира трактуют эти случаи как психические заболевания. Мол, некоторым гражданам начинает казаться, что у них появились дополнительные органы восприятия, но это просто такое «воспаление мозга», и оно лечится хирургически – проще говоря, пациента ослепляют. Его принимают за сумасшедшего и отправляют на лечение; но он уже успел увидеть солнце («большое, теплое, великое»), море и небо, поэтому не испытывает никакого желания возвращаться назад в темноту. Габру приходится убегать и скрываться от системы, оставив в прошлой жизни семью, друзей, дом, работу и невесту Лъёз. Променять все это на глаза. За ним идет охота, его отправляют в спец-госпиталь с целью хирургически уврачевать «психоз далекого пространства».

Но вдруг накануне операции Габра похищают. Он попадает в лагерь повстанцев, о которых отроду не слышал. Это бывшие прозревшие, но потом ослепленные люди. И они хотят использовать его как единственного зрячего, чтобы разрушить тоталитарный мегаполис, отомстить. Но вместе с тоталитарным режимом Габру придется уничтожить и своих близких, с которыми он, правда, уже потерял общий язык. Герой оказывается перед очень сложным выбором. И здесь хочется провести параллель с судьбой самого Ярослава Мельника, которому в свое время так же пришлось покинуть скованную советской властью Украину.

Драма же его героя Габра – типичная для романтической личности: он не может жить, как раньше, увидев «дальний простор», прекрасный мир, на фоне которого реальный облик мегаполиса – это бесконечные этажи механических конструкций, а люди – бессильные рабы системы, грязные и напрочь лишенные гражданских свобод существа; однако он не может и разрушить несправедливый строй, как того требуют террористы. Тоталитарная система пытается соблазнить главного персонажа различными благами, но он выбирает путь в



никуда, лишь бы не изменить своей совести... Неоднозначность, напряженность понятий «свобода» и «свободный человек» только усиливается, а не разрешается с каждой последующей страницей.

Действие романа разворачивается в отдаленном будущем, где даже время исчисляется не так, как мы привыкли. Дневник главного героя Габра Силка (первая приведенная запись) отсылает читателя к 2134-го дню 8-го сектора 17-го счисления. В романе не уточняется, сколько дней в одном секторе и сколько секторов в одном исчислении. Внимательный читатель натолкнется на брачное объявление [1, 235], из которого явствует, что действие романа продолжается до свадьбы Габра Силка и Наташи Ричардсон, дочери зрячего управителя мегаполиса, 459 дней. Вот только сутки вмещают больше, чем 24 часа, – церемонии назначено на 36-й час.

Фантастический мир, в котором все происходит, Мельнику вполне удался. Пусть и не везде идеально логично обустроенный, но со своей убедительной атмосферой, духом и настроением, что является основополагающим условием любого хорошего «фантастического» (в широком смысле) текста. В чем-то письмо «Далекого простора» отдаленно напоминает, например, Рея Бредбери (понятное дело, не буквально) и вообще похоже на литературу с универсальными и масштабными претензиями. Что, однако, вовсе не значит, будто к книге Мельника не может быть упреков. Например, во вставных эпизодах – упоминавшихся дневниках, статьях, трактатах, стихах – не всегда выдерживается динамика, соизмеримая с динамикой основного текста. Они, так сказать, слишком «интермедийны». Или финал романа. Его «открытость», «разомкнутость» и неоднозначность поданы настолько «в лоб», что могут вызывать сомнения в доработанности.

Текст Ярослава Мельника написан очень прозрачно. Однако и элегантно. Сюжет, быстрый и интригующий уже сам по себе, разнообразится отрывками дневников, философских и публицистических текстов «незрячей эпохи», даже стихотворений.

«Далекий простір» – на редкость гармонично качественная и интересная литература. Да еще и особенно злободневная ныне, во время драматичных событий в стране, когда появляется такое большое искушение забыть о сложности и не-чернобелости мира. «Далекий простір» – серьезный роман, в значительной мере космополитичный. И это хорошо. Нужно, наконец, увидеть, чем может закончиться глобализация, которую политики, как на Востоке, так и на Западе современного нам мира, представляют, как несомненный позитив.

С концептом «пространство» в романе происходят странные вещи. Большинство персонажей романа убеждены, что существует только близкое пространство – пространство, которое можно ощутить на ощупь. Дело в том, что эти персонажи – слепые, рожденные слепцами, представители слепого человечества, которое когда-то при невыясненных обстоятельствах потеряло способность видеть. Цивилизация слепых не знает стран, наций, языкового раз-

нообразия, рыночной конкуренции. Более того – люди даже не догадываются, что когда-то такие вещи были. Со способностью видеть они потеряли и все понятия, связанные со зрением. В их языке нет подходящих слов. Они ориентируются благодаря передатчикам сигналов, получают все необходимое для жизни от Государственного Объединения, которое пытается тотально контролировать своих слепых граждан. Страна слепых – это мегаполис, состоящий из сотен уровней-этажей, каждый из которых делится на квадраты. Габр живет в квадрате 24-К-4. Сообщение между квадратами осуществляется с помощью гвинтопланов и пневмопоездов. И слепым с детства внушено, что передвижение происходит только во времени. Потратив некоторое время в транспортном средстве, человек возвращается в своё близкое пространство. Не трудно догадаться, что главный герой романа прозревает, и с собственно с этого начинаются его приключения, сначала среди слепых террористов, затем среди зрячих правителей мира.

Обычно существуют две пружины, которые «делают» роман. Или герои, которые своей жизнью создают динамичную картину художественной реальности. Или же пружиной служат авторские размышления, и тогда перед читателем – интеллектуальный роман, который погружает нас в океан рефлексий и медитаций.

«Далекий простір» – прекрасное сочетание этих двух пружин. Если быть точнее, то это произведение – философское, а имеющиеся в нем триллерно-антиутопические элементы «делают» философскую матрицу доступнее. Ведь, философская проза – это не просто соединение философского и художественного начал в искусстве, в котором возможно количественное сопоставление одного с другим, а органически взаимосвязанное эстетическое образование, составные части которого не просто переплетаются друг с другом, а образуют парадигму, в системе которой разнородные формы сознания (философия и искусство) объединяются общими для них признаками. Мы опираемся на взгляды В.М. Мирошникова об эстетическом взаимодействии философии и искусства [2, 39] что позволяет нам выявить жанровую природу мельниковской антиутопии. Признак, связующий в единое целое философию и искусство, заключается в языке выражения первой, в ее метаязыке, а именно: в рефлексии, взятой не в психологической функции, а в ее гносеологической (т. е. размышлении о «мире идей» минувшего) и методологической – в освоении, развитии и переосмыслении опыта прошлого, зафиксированного в разнообразных источниках культуры. Для философской прозы доминантным фактором является не мысль или концепция сама по себе, определившая проблематику произведения, а метаязык философии в форме эстетической рефлексии, которая становится источником философичности произведения, его жанрообразующим фактором.

Под эстетической рефлексией понимается движение мысли вспять, обращение назад к существующим фактам и доктринам философского и культурного наследия, необходимых для того, чтобы переплавить их в горниле



современного сознания, трансформировать в новые образы, представления и картины, дабы явить их миру обогащенным опытом прошлого именно через процедуру рефлексии [2, 36]. Рассматриваемый вид формализации (обретение содержанием формы) представляет собой в структуре художественного произведения основу полотна, на котором вяжутся узоры уже с помощью других изобразительных средств. Нетрудно предположить, что в традиционной прозе представленная картина проявляется в обратном соотношении. А если рассматриваемый вид обобщения понимать ещё и как способ трансформации неэстетического материала (сведений из областей науки, морали, права, религии, той же философии и т. д.) в эстетический ряд произведения, то эстетическая рефлексия есть единственный вид формализации с такими широкими функциями и объёмом полезной художественной нагрузки.

И закономерно, что эстетическое и философское удовольствие от «Дальнего пространства» Ярослава Мельника гарантировано тем читателям, которые склонны собственными интеллектуальными усилиями наполнять метафизическим смыслом простую фабулу и шаблонные метафоры, в эстетической рефлексии «перекрученные» автором. Здесь перед нами встает необходимость системного осознания таких художественных и стилистических приёмов, также составляющих эстетическую конструкцию произведений философской прозы, как сказ, пародия, римейк, архетип, интертекст, реминисценция, палимпсест, центон и др. В анализируемом произведении мы все это наблюдаем.

Возможно, кто-то упрекнет Ярослава Мельника в желании упростить сюжет, мол, писатель заигрывает со стратегиями массовой литературы. Эти «заигрывания», отнюдь не искажают глубочайшей философской проблематики, представленной в «Далеком просторе». И именно эта философская основа не дает оснований назвать роман простой, традиционной антиутопией.

Безусловно, здесь есть «тоталитарная модель общества» и герой, который восстаёт против нее. Но одна из философских проблем, раскрытых в романе, заключается в невозможности бунта как экзистенциального феномена. Любой бунт – это не просто поражение, а момент не-существования. Бунт в романе равен пресмыканию. Потому что и тот, кто пресмыкается (перед реальностью, властью, роком...), и тот, кто стремится оказывать сопротивление (социально-политической реальности, власти, фатуму), – обречен на поражение. Поражение заложено в самом выборе: когда выбор сделан, тогда человек – заложник упрощенной реальности. Это философский вопрос не впервые определяется в современной украинской литературе, многократно освещавший борьбу украинского народа с его восточными и западными поработителями.

Роман Ярослава Мельника заканчивается тем, что Габр (протагонист) вместе с третьей своей возлюбленной Ниєю, женщиной-врачом, отправляется в бесконечность. Он не знает, где окажется и не превратится ли вся его жизнь в странствие по пути в бесконечность. Он – слепой, который стал зрячим. Но возможность видеть еще не решает всех проблем, потому что зрячие – также

могут не видеть, а слепые могут, не видя, приходит к удивительным открытиям. Важно не просто видеть, а двигаться в «дальнем пространстве». И далекий простор тем и отличается от «ближнего», что является бесконечной свободой, метафизикой и познанием глубинных вещей одновременно. В этом контексте важно рассмотреть краткое упоминание в романе о Боге, которого нет ни в мегаполисе, ни в тихом поселке зрячих управленцев. Бог – это свобода, выход за пределы детерминированности, далекое пространство в романе – это поиск Божества, о котором говорит герой безымянный священник, оставшийся без паствы. Есть в произведении две микродетали, которые говорят о христианском миропонимании пана Мельника: государственная религия в мегаполисе-это теософия, а забытая слепыми и ненабранная для них спецшрифтом книга – Библия. Прямой проведи роман не содержит, но весь его смысл ориентируется именно на христианские ценности.

«Далекий простір» – роман, который ждали в украинской литературе. Сложные философские вопросы в нем поданы через динамику ситуаций. В этом «коммерческий» успех произведения. Но также здесь есть то, что, по сути, противоположно коммерции: желание познать жизнь и человека во времени и пространстве; толчок к познанию себя как потенциально бесконечной силы, сопряженности человека и Бога.

### **Список использованной литературы**

1. Мельник Я. Далекий простір / Ярослав Мельник. – Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2013. – 290 с
2. Мирошников В. М. Романы Леонида Леонова: становление и развитие художественной системы философской прозы / В.М. Мирошников. – Рязань: Изд-во Рязанского ун-та, 2000. – 256 с.
3. Стражний А. Украинский менталитет / Александр Стражний – Киев: Подолина, 2008. – 384 с.

### **Нікольський Є. В.**

Інститут Русистики Варшавського Університету  
(Варшава, Польща)  
eugenius-08@yandex.ru

### **ЖАНРОВА ТА ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧНА СВОЄРІДНІСТЬ РОМАНУ ЯРОСЛАВА МЕЛЬНИКА «ДАЛЕКИЙ ПРОСТІР»**

*У статті з теоретико-літературних позицій розглянуто роман сучасного українського письменника Ярослава Мельника «Далекий простір». Розкрито його жанрову природу. Спираючись на концепцію професора В.М. Мірошнікова про естетичну рефлексію, автор статті трактує роман як філософську антиутопію. У статті докладно розглянуто комплекс філософських та релі-*

*гійних проблем, представлений у творі крізь призму оригінальних образів; розкрито шляхи вираження в романі саме українського менталітету; розглянуто інтертекстуальні зв'язки. Автором статті вирішується питання про художній метод «Далекого простору»: зазначається відхід письменника від поетики постмодернізму. Відзначається також, що автор роману вміло поєднує стратегії елітарної та масової літератури.*

**Ключові слова:** *антиутопія, постмодернізм, інтертекстуальність, неокласика, проблема людини, естетична рефлексія, філософський жанр, гуманізм, тоталітаризм, протагоніст, фантастика.*

**Nikolsky Ye. V.**

Institute of Russian studies, University of Warsaw

(Warsaw, Poland)

Eugenius-08@yandex.ru

## **GENRE, PROBLEME AND THEMATIK SPECIFICITY OF NOVEL “FAR SPACE” BY YAROSLAV MELNYK**

*The object of the paper is the novel of the modern Ukrainian writer Yaroslav Melnyk “Far space”. In the article this novel is considered from theoretical and literary positions. It’s genre originality is revealed. “Far Space” has a polygenic nature. One of the ways to study it’s poetics and author’s conception is to analyze the novel as a dystopia. The action in this artistic work takes place in the world of blind people. But they have a governed, which consists of such people, who have sight. They create comfortable living conditions for the blind, but limit their freedom. The blind are deprived of the freedom of consciousness. The hero of the novel is trying to resist this system. The author of paper based on the concept of Professor V. M. Miroshnikov about aesthetic reflection treats this artistic work as manifestation of philosophical dystopia. The article considers in detail the complex of philosophical and religious problems presented in novel through the prism of the original images, reveals the relationship of novel with the Ukrainian mentality, intertextual connections, raises the question of artistic method, notes the departure of the writer from the poetics of postmodernism, at the same time it is noted that the author of novel skillfully combines the strategy of elite and mass literature.*

**Key words:** *utopia, postmodernism, intertextuality, neo-classical, problem of man, the aesthetic reflection, the philosophical genre, humanism, totalitarianism, the protagonist, is fantastic.*

### References

1. Mel'nik Ya. (2013) Dalekij prostir [Distant space], Harkov, Knizhkovij klub «Klub simejnogo dozvil'ya» [in Ukrainian].
2. Miroshnikov V. M. (2000) Romany Leonida Leonova: stanovlenie i razvitie hudozhestvennoj sistemy filosofskoj prozy [Leonid Leonov's Novels: formation and development of the artistic system of philosophical prose], Ryazan', Izdatel'stvo Ryazanskogo Universiteta [in Russian].
3. Strazhnyj A. (2008) Ukrainskij mentalitet [Ukrainian mentality], Kiev, Podolina, [in Russian]

Статтю подано до редколегії 24 травня 2018 р.